

Новый роман В. Пелевина «Непобедимое солнце» (М. Эксмо, 2020), как всегда, скандален и построен на скандале. Вообще говоря, каждая книга Пелевина рассчитана на скандал. Но скандал особого рода: для тех, кто понимает суть дела, для тех, кто «посвящён», а не для слушателей радио «Эхо Москвы». Автор устами одного из героев говорит: «Я путешествую. Иду туда, не знаю куда, ищу то, не знаю что. Направляюсь к богу в гости» (стр. 96).

Как писал и пел покойный В. Высоцкий — «Мы успели. В гости к богу не бывает опозданий» — можно сказать, что и у В. Пелевина замах, и очень сильный, и весьма серьёзный. Это не какая-то «ананасная вода¹», о которой мне уже приходилось писать девять лет назад².

Не знаю, как у кого, а у меня название романа «Непобедимое солнце» вызвало ассоциации с творчеством футуристов 1912–13 гг. Я опираюсь на мемуары Бенедикта Лившица: «Это была живописная заумь, предварявшая исступлённую беспредметность супрематизма, но как разительно отличалась она от той зауми, которую декламировали и пели люди в треуголках и панцирях! Здесь — высокая организованность материала, напряжение, воля, ничего случайного, там — хаос, расхлябанность, произвол, эпилептические судороги...». Хотя, конечно, есть и другие источники, подтверждающие то же самое.

Два спектакля «первых в мире футуристов *театра*» состоялись 3 и 5 декабря 1913 года в петербургском Луна-парке на Офицерской улице. Автор эскизов Казимир Малевич, текст — Алексея Кручёных и Велимира Хлебникова, музыка — Михаила Матюшина. Кстати, стоит упомянуть, что «победу над солнцем» футуристы понимали, как ниспровержение всего существующего миропорядка. Солнце — круглое, сделаем его квадратным, оно

¹ В. Пелевин «Ананасная вода для прекрасной дамы», М., «Эксмо», 2011.

² <http://pelevin.nov.ru/stati/o-murikov2/1.html>

сверкает, сделаем его чёрным. Так родился знаменитый «Чёрный квадрат» К. Малевича в качестве декорации к спектаклю, но споры о котором не стихают до сих пор. Ещё необходимо вспомнить поэму А. Кручёных и В. Хлебникова «Игра в аду» (1914 г.), которая буквально предвосхищала и даже прогнозировала события Первой мировой войны и надвигающуюся революцию.

Назвав свой роман «Непобедимое солнце», В. Пелевин как бы стремится опровергнуть мечты и чаяния футуристов, которые впоследствии обернулись большевистским переворотом. Никаким чёрным квадратом солнце победить нельзя. И какую бы чепуху ни несли тогдашние футуристы, предшественники и оправдатели большевизма, солнце «победить» нельзя. Видимо, так и думает Виктор Пелевин, хотя весь его роман, думаю, с полным правом можно назвать сатирическим, и сравнивать его можно разве что с произведениями Н.В. Гоголя, перенесёнными в XXI век. О том, что Пелевин самый выдающийся сатирик нашего времени, я писал неоднократно. Что касается оккультной орнаментации многих его произведений, нужно отметить, что и Гоголь увлекался такого рода изысканиями (тут и «Вий», и «Страшная месть» и т. д.). Вспомним слова классика: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...».

Но, между прочим, сатира В. Пелевина не только о современной России, он смотрит шире: «Современная американская культура — это корпоративный хамелеон, для которого не то что нет ничего святого, для него святым на пятнадцать минут может стать кто угодно. (...) Весь идеологический символизм украден, апроприирован и доступен в любых смесях» (стр. 114). И что же представляет собой этот идеологический символизм? Ответ очень прост: переместите буквы в словах «GOOGLE» и получится «GOOLAG», то есть информационная лагерная система, увы! захватывает власть над миром.

То же самое происходит и в нашей стране. Группа «упырей» захватила власть в России: «У нас есть банда упырей, которые унаследовали страну от КПСС. Их власть имеет примерно ту же природу, что и власть коммунистов — то есть опирается исключительно на то, что её захватили. (...) Чтобы легитимизировать свой хейст (грабёж, ограбление — Г. М.) они как бы говорят — «да, мы украли весь ГУЛАГ, мы офигели на букву «х» — но зато мы вас воспитываем». Защищаем вас от русского языка, а русский язык от вас. Защищаем наркотики от гомосексуализма, а гомосексуализм от наркотиков. Заботимся о вашем здоровье — душевном

и телесном. Объясняем, как вам следует жить, и будем пороть, пока не научитесь. Поэтому без нас никак, мы в центре циклона и будем сосать вашу кровь, демпфируя вашими тушками колебания цен на нефть...И вообще, *можем повторить*. (Курсив мой — Г. М.) То есть легко закидаем вашими трупами любые проблемы» (стр. 316–317).

То, что наши правители «могут повторить» (видимо, события 1917–37 гг.), сомнений не вызывает, и не только у читателей В. Пелевина.

Во второй части романа, которая, как и весь роман, называется «SOL invictus», т. е. «Непобедимое солнце», автор, постоянно ссылаясь на разные оккультные источники, что вообще свойственно сочинениям Пелевина, и одновременно иронизируя над ними, пытается сделать вид, что будто бы солнце воплощено в Чёрном Камне. Сразу задумаемся — не намёк ли это на пресловутую Каабу в Мекке, чёрный камень, вмонтированный в стену, которой является предметом поклонения всех мусульман мира? И дальше Пелевин как бы поясняет, что этот Камень — своего рода воплощение философского камня и даже ««шарнир реальности». Считают, что этот объект создаёт как бы разрывы в истории» (стр. 367). Если широко взглянуть на вещи, то, конечно, можно отождествить чёрный Камень, другой камень — Каабу и «Солнце» с философским камнем, который тысячелетиями искали алхимики — это весьма смелый философско-исторический ход. В романе есть интересные намёки на этот счёт. «Есть такая народная примета: когда здоровые бородатые мужики начинают быстро повторять “Аллаху акбар”, жди неприятностей» (стр. 668). Вот и дождались. Но роман на этом не заканчивается. Есть ли тут намёк на теперешнее влияние ислама, — или мы можем только это предположить?

Судя по всему, автор не останавливает свои сатирические удары только на нашей печальной действительности. Размышляя о современной психологии западного мира, Пелевин приходит к такому заключению: «Западная культура универсальна и обслуживает все человеческие потребности. Она порождает и карательные удары дронов, и протест по их поводу. Точно так же и отдельная душа способна совместить радость от убийства, условно говоря, плохого парня с возмущением по поводу очередной внесудебной расправы спецслужб» (стр. 425). Отчасти это похоже на оруэлловское «двоемыслие», но на самом деле гораздо глубже — «та колониальная интеллигенция, внедряющая заклинания и ритуалы левых американских активистов среди работающих за доллары

студентов — и называющая это борьбой за прогресс» (там же). Но куда она (колониальная интеллигенция) девалась? Не существует ли она и поныне? По крайней мере, в нашей стране.

Очень интересны размышления автора о структуре западного современного сознания. Оно, по его мысли, как бы состоит из двух частей: «Наверху возвышался солидный приличный особняк с распахнутыми дверями и окнами, открытый для всех и обставленный по последнему мейнстримному каталогу — стесняться там можно было только самого американского мейнстрима. В этом верхнем строении не имелось ни червоточин, ни тайн. Но под домом была лестница, чёрными зигзагами уходящая вниз, — и, даже побывав на нескольких подземных площадках, я не знала, куда она ведёт» (стр. 448). Так рассуждает главная героиня романа, а нам сразу же вспоминаются знаменитые образы Р.Л. Стивенсона из готической повести «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» и особенно «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда. В них ясно и отчётливо, может быть, впервые в англоязычной культуре было представлено её двойное дно или двойная мораль.

Постоянная тема В. Пелевина — это параллели между западной римской культурой и современностью. Здесь многое оправдано. Обратим внимание на некоторые мысли автора: «Всё-таки в современном прогрессивном американце русофобия — это одна из биологических жидкостей. Даже если он воук и трансгендер. Особенно, если он воук и трансгендер, кстати. (Что такое воук, я не знаю и предлагаю узнать это самим читателям, которые заинтересуются особенностями новояза В. Пелевина. — Г. М.) Потому что всем этим корпоративным анархистам и имперским сварщикам много лет объясняют по Си-эн-эн, что их фашизм — это не их фашизм, а коварно заброшенный к ним русский» (стр. 610–611).

Вот тут мы вновь переходим к вопросу о так называемом русском фашизме, которым беспрерывно морочат голову и в нашей стране, и за рубежом, по крайней мере, последние 75 лет. Пелевин намекает на эту тему, но воздерживается от прямого объяснения. Одной из особенностей романа, как впрочем, и многих предыдущих, является система намёков, которые как бы отсылают читателя отчасти к предыдущим произведениям писателя, а отчасти предполагают обратить его внимание читателя на возможные будущие произведения автора.

Конечно, можно считать некоторые суждения В. Пелевина чрезмерно ироническими и даже циничными: «Стоит взлететь одному комару, как на его место садится другой. Это и называет-

ся «жизнь». Мы сделаны из этих комаров точно так же, как мир сделан из нас» (стр. 692). Но это только подход к конечным выводам, а они, как всегда, связаны с самой наболевшей сегодняшней ситуацией, а именно так называемой борьбой с коронавирусом. По мысли автора романа, это не просто «борьба», и не просто «пандемия», — это нечто более серьёзное: «Коронавирус во время чумы» (вспомним Пушкина). И дальше: «Сейчас весь мир закрывается, и когда откроется, никто не знает. Такая, можно сказать, перезагрузка всего. (...)

– Что это за вирус?

– Пока мало информации. Но, похоже, отличается от плохо-го гриппа в основном хорошим пиаром. Под который всех обдерут как липку и спишут всё, что украли. Серьёзные люди сжигают бухгалтерию в мировом масштабе» (стр. 695). Так это или не так? В романе герои называют это предположение «конспирологической гипотезой». Мы тоже не знаем.

Как всегда, В. Пелевин — это не лучшее его качество — размазывает какими-то слюнявыми оборотами банальную в рамках буддийской философии мысль, что якобы наш мир — это всего лишь видение каких-то «буддийских» откровений, которые явлены только избранным. Нелегко спорить с человеком с мировоззрением такого рода. Но зададим вопрос, с какой целью В. Пелевин каждый год пишет по роману такого содержания вместо того, чтобы уйти в астрал? Значит, тут что-то не то. Я уже говорил, что общий склад этого писателя сходен с творчеством знаменитого фантаста-сатирика Н.В. Гоголя. Тут и Хома Брут с его панёнкой-ведьмой, тут и полёт Вакулы с ведьмой на метле, а рядом — «мёртвые души». Индийская мифология и теософия, к которым часто прибегает В. Пелевин, эти сюжеты не охватывает.

Этот роман, как и предыдущие, оказывается неоконченным, но как бы включённым в своеобразную романную эпопею о жизни и смерти, которую предлагает В. Пелевин, наподобие, — рискнём предположить, — «Человеческой комедии» Бальзака, охватывающей период конца XX — начала XXI века. Пожелаем автору новых удач.

Сентябрь 2020 года
Санкт-Петербург